Евгения Павловна заглянула в кабинет — и тяжело вздохнула: опять дежурные сбежали! Класс являл собой картину спешного варварского отступления. Стулья валялись в не живописном порядке, на полу белели выброшенные за ненадобностью шпаргалки, одноразовые стаканчики, тошнотного вида комочки жвачек. И только под крайней партой что-то призывно, подарочно поблескивало. Евгения Павловна прищурила близорукие глаза и сделала шаг вперед. На полу беспризорно валялся миленький серебристый карандашик, ну, может, сантиметров пять в длину. Женщина осторожно подняла огрызок, приблизила к глазам:

— Какая славная вещица! Наверно, Милена потеряла. У нее вечно портфель полон канцелярских чудес. Завтра надо отдать. И выговор сделать дежурным. Завтра…

Ах, как же ей все это надоело! Выговоры! Замечания! Агрессивные ответные выпады учеников! И постоянное жгучее ощущение своей несостоятельности.

Усталым шагом учительница плелась домой. Горькое ощущение: она отстала от жизни! — не оставляло и на широких пространствах города. Евгения Павловна шла, опустив нос, точно искала что-то на не по-январскому склизком снегу. Господи Боже! Что она могла найти там? Свою потерянную молодость? Невесть когда ускользнувшее ощущение счастья и веру в собственное бессмертие? Молитвенное преклонение перед делом учителя? Да чепуха все! И не ищет она ничего! Просто ей тошно смотреть на шикарных полураздетых женщин, призывно улыбающихся с рекламных щитов, на обманчиво несчастных нищих… «А, может, они не обманчиво того… несчастны?» — предательски дрогнуло сердце. «Значит, тошнее вдвое!» — мысленно огрызнулась Евгения Павловна и прибавила шага.

Дома она сварила магазинные пельмени и съела этот эрзац-продукт, как обычно, в последние годы, не ощущая ни вкуса, ни удовольствия. Механически помыла посуду. С выпестованной годами покорностью раба извлекла из пакета стопку ученических тетрадей. Раскрыла первую.

«Вооброжение автора…» — прочитала Евгения Павловна, скривилась, порылась в сумке в поисках красной ручки… И извлекла на свет Божий неизвестно чей серебряный карандашик. Вздохнула тяжело:

— Собачья работа!

Прямо на тетради вывела кривоватенькую линию. Карандаш удивительно мягко скользил по бумаге, осыпаясь легкой поблескивающей пылью. Евгения Павловна не обращала внимания на кружение серебрянки. Женщина думала. Вспоминала.

Шел 1978 год. Она тогда училась во втором классе. Да. И на углу, возле булочной, увидела потерянного щенка. Что-то такое лохматое-лохматое-лохматое. Шарик! И в этом шарике нос-пуговка и жалобно поблескивавшие глаза: усыновите! Вернее, она не одна увидела это сокровище, а еще — Лена, Света, Таня и Зойка, кажется, была. Но одна Женя посчитала этот шарик за несметное, неоспоримое сокровище и принесла его домой.

Мама всплеснула руками:

— Ой, где ты этого чебурашку взяла? Только не говори, что он наш, а то нас все соседи засмеют.

Женька застыла на пороге, прижимая к белому фартуку грязнолапый комок. И сердце ее напряженно, с болью билось: тук! тук! тук! А под ее сердцем молоточком стучало сердечко перетрусившего шарика: тук-тук! тук-тук! тук-тук!..

Из соседней комнаты вышел отец, сильный, высокий, широкоплечий. Он собирался на завод во вторую смену. Застегивая рукава серой рубашки, покачал головой:

— Да! Тут не только Тарас Иваныч с Марией Яковлевной обхохочутся. Но и терьер их Витязь, и бульдог Паша со второго этажа со смеху умрут!

Мать посмотрела на мужа с укоризной во взоре, и между бровями ее пролегла тонкая жесткая морщинка…

Тяжелая мутная слеза шлепнулась на ученическую тетрадь. Евгения Павловна некрасиво шмыгнула носом. Никогда!.. Никогда ни до, ни после в жизни она не была так счастлива, как в тот день!

— Гав!

Учительница вздрогнула и мотнула головой. Заснула, что ли? Уставилась на тетрадь! О Господи! Как она ее завтра Краснову отдаст?! Прямо под корявым сочинением красуется какой-то лопоухий шарик, помесь дворняжки с чебурашкой. Поспешно учительница потянулась за резинкой…

— Гав! Гав! Гав!..— снова откуда-то из угла раздалось протестующе громкое.

И тут же из соседней квартиры ответило хриплое:

— Совсем обнаглели со своими кобелями! Не дают послушать, как народ в «Пусть говорят» гавкается!

Противный голос соседа привел Евгению Павловну в себя. Она вдруг удивительно ясно поняла: происходящее не сон, не признаки переутомления, а… Ну, точно! Вот оно, чудо, сидит в углу! Лопоухое, жалкое, совсем не похожее на тот чудесный шарик.

— Ты кто? Откуда взялся? Что за новости?

Со странным объектом Евгения Павловна говорила почему-то шепотом. Может, боялась, что тот ответит ей на чистом человеческом: «Привет!» Или еще чего, посногсшибательней. Песик и вправду проникновенно принял ее внимание. Встал, неуклюже проковылял к вертящемуся креслу и ткнулся в ногу пристывшей женщины жутко реальным мокрым носом.

Евгения Павловна сползла на пол. Осторожно взяла щенка на руки, и тот с щемящей преданностью зарылся ей в ладони: мол, всю жизнь любить буду; я ведь собака — не человек. Медленно Евгения Павловна провела ласковыми пальцами по шелковистой шерсти.

Откуда-то издалека донесся живой голос давно умершего человека — ее отца: «Нет, если этого чебурашку отмыть, получится и ничего… Не крокодил Гена, во всяком случае…»

Учительница вздрогнула. Осторожно сняла с колен щенка. Огляделась близорукими, но удивительно дальнозоркими глазами. Она слишком много времени провела в удушающем пространстве школы, где мир вывернут, закручен в спираль, где детские мечты каждый день набухают тугими бутонами, агрессивно стремясь стать реальностью, где насмешка над сказкой скрещивается с маниакальной тягой к фэнтези, где все бессмертны, потому что искренне верят в это. Учителя

заражены всеми ребяческими душевными вирусами. С каким-то покорным спокойствием Евгения Павловна констатировала: серебряный карандаш волшебный! Ну, а если проверить все-таки? Как интересно! Попробовать нарисовать еще что-нибудь! Ну, одну вещицу. Небольшую. Карандаш-то чужой. Его надо будет вернуть. А он вон как быстро стирается.

Легкими движениями прямо здесь же, в ученической тетради для сочинений, Евгения Павловна изобразила нечто отдаленно похожее на интернет-планшет. Провела последнюю линию и жадно пошарила глазами по столу. Ну, где же, где же?.. Да вот же! Последней модели!

— Ха! Ха! Действует! — победно улыбнулась щенку женщина. Схватила в руки дорогую электронную игрушку.— Так. Что бы вы желали посмотреть, моя дорогая? А давайте фильм с Гойко Митичем…

Мгновенно на экране появилось необыкновенно красивое мужественное лицо. Индеец, прижимая к литой бронзовой груди медвежонка, произнес: «Я сын и владелец прерий». Густым ревом медвежонок подтвердил смелое заявление красавца. Тут же опять раздалось протестующее: «Гав! Гав! Гав!» А следом донеслись удары костылем в стену и крики полоумного соседа.

Евгения Павловна тяжело вздохнула. Как же ей надоела эта квартира-клетка! Она всегда мечтала о собственном домике с петуньями в горшках и жарящимися на солнце розами. Но вечное учительское безденежье… Стоп-стоп! А что мешает ей осуществить мечту?

Женщина посадила щенка себе на колени. По-хозяйски взяла в руки серебристый карандашик и… комната закружилась-закружилась-закружилась… Но с еще большей скоростью в голове Евгении Павловны пронеслось: «А почему, собственно, домик? Почему, собственно, одноэтажный? Она что? Не заработала права на нормальную жизнь?!» Не отрывая карандаша от бумаги, учительница пририсовала к начатой конструкции второй этаж. Серебряная пыль мерно осела, открывая подлинную новорусскую красоту.

Евгения Павловна вскочила со стула. При этом лохматый шарик скатился с ее колен с жалобным писком на пол, но женщина не обратила на него внимания. Ошалело она поворачивалась из стороны в сторону. Вот уж когда пришло время не поверить глазам своим. Неужели все это богатство — ее?! Евгения Павловна бросилась из кабинета в коридор, обитый дубом. Что тут у нас? Спальня в вишневых тонах. Спальня в кремовых тонах. Гостиная. Ванная, выложенная розовым мрамором. Кухня с кафелем, воскресающим прелести королевской охоты. Полный воздуха балкон!..

Женщина засмеялась тихонько и тихим осторожным шагом, точно подкрадываясь, вернулась обратно в кабинет. Теперь несколько платьев от-кутюр… Самых-самых…

— И сережки с изумрудом… Я давно хотела… Обязательно с крупным… И кольцо с бриллиантом, чтобы… чтобы…

Внизу раздалось противное щенячье похныкивание, и шарик, виновато отводя глаза, сделал лужу прямо на белоснежном ковре, ворс которого мог запросто посоревноваться по длине с шерстью этого заморыша.

— Что еще за новости? — спросила Евгения Павловна строгим учительским голосом. Шарик испуганно подобрался.

Женщина вздохнула. Ну, ничего не поделаешь! Она же не виновата! Ну, не может же она держать в доме собаку, не приученную к порядку. Придется посадить щенка на цепь. Слава Богу, теперь у нее есть хороший двор. Пространства позволяют, так сказать. И потом… Евгения Павловна покосилась на дурно пахнущую лужу… Нет… Честное слово, ей страшно неудобно! Но она же не может содержать в порядке такую махину одна! Евгения Павловна виновато оглядела просторную комнату. Ей нужна какая-нибудь помощница. Какая-нибудь тетя Маша.

Быстро хозяйка особняка изобразила в тетради женщину скромной и приятной наружности и миленькую будочку. Тут же явилась тетя Маша, взяла под брюшко шарик и унесла его, жалобно скулящего, куда-то. В будку, надо полагать. Евгения Павловна, выполнив свой долг перед живой природой, уже не обращала на эту парочку внимания.

Серебряный карандаш подрагивал в ее тонких нетерпеливых руках. Париж. Она всегда мечтала увидеть Париж. Лувр, Монмартр, приют бессмертных… Боже мой! Боже мой! Все культурные сокровища теперь ее! Весь мир! Все его живые радости!

Серебристый карандашик, как молния, заметался по бумаге. Мелькали желтые пирамиды (совсем не такие гигантские, как грезились в мечтах), венецианские гондолы, развалины Колизея, кровавые плащи тореадоров — и кабаки, кабаки, кабаки… Жирные нувориши, женщины с повадками шлюх, требующие у официантов, чтобы их обслужили, как королев, пьяный угар, оседающий на сердце тяжелой седой пылью...

Какой-то раскрасневшийся боров надсаживает глотку:

— Господа! Выпьем за сильных и богатых, гос-с-спо-да!..

И она сама с бокалом в руке кричит, пытаясь перекрыть ресторанный шум и шум в собственной голове:

— Господа! Господа! Я так счастлива!.. Выпьем за любовь! Господа!..

И мужчина с красивым волевым, но каким-то пустым лицом улыбается Евгении. Его колено больно-сладко давит на ее ногу. Жаркие губы близко-близко:

— Какая красотка!

И пустые глаза смотрят настойчиво-пьяно:

— Не ожидал увидеть здесь такую…

Его дыхание обжигает тонкую шею Евгении. Звонок. Противный звонок мобильника. Красивый мгновенно подбирается. Мгновенно трезвеет. Бросает в сторону Евгении с кривой улыбкой:

— Простите. Дела.— И уже в трубку, громко, напористо, жестко:

— Сколько? Да. Продавай всю партию!.. Недовольны? Кто недоволен, увольняй! Я на их место десять новых найду. Распустились! Все. Мне некогда. Официант! Еще десять бутылок «Дома Периньйона»!

И опять Евгении — рассеянно-внимательно:

— Ну, так как? Может, оставим эту теплую компанию?..

И снова она одна в гостинице какого-то немыслимо древнего города… На улице, помнящей конквистадоров… И опять — в кабинете своего источающего великолепный холод особняка.

Светало. И, может, потому что ночь (классическое время чудес) подошла к концу, карандашик не сразу исполнял желание — замедленно, как зависающий компьютер. Да и желания уже не били искрометным пьянящим фонтаном. Евгения Павловна чувствовала себя отупевшей от новых впечатлений. И во рту… стоял странный вкус — то ли прокисшего алкоголя, то ли загустевших слез, то ли жестокого разочарования.

Где-то внизу раздался раздражающий голос тети Маши:

— Ах, шалун! Опять из ошейника выскользнул. И где ты спрятался, чучело несчастное?!

Недовольное сопение в углу комнаты показало, где именно спряталось чучело несчастное. Евгения Павловна повернула голову. Щенок, пахнущий утренним туманом, мял грязными лапами белоснежный ковер. Женщина смотрела на него с заторможенной отупелостью. В голове с натугой проворачивалась невозможная мысль. Кто-то далекий и почти незнакомый сказал весело: «Нет, если этого чебурашку отмыть…» Евгения Павловна вздрогнула и словно проснулась. По лестнице уже шаркали шаги старательной тети Маши, и раздавалось ее предупреждающее покряхтывание. Алый диск солнца прорвал синюю линию горизонта…

Евгения Павловна вскочила. Метнулась в угол. Схватила дрожащими руками грязный хныкающий шарик, прижала к белоснежному атласному пеньюару, к самому сердцу. Бросилась к столу. Сжала похолодевшими пальцами серебряный карандаш. Совсем истерся. Оста-

лась чуточка — только ноготком зацепиться. Женщина упрямо закусила губу, вывела твердо: «1978 го…» — и на последней букве волшебный карандашик рассыпался серебряной пылью в ее руках. С беспомощностью погибающего Евгения Павловна отчаянней прижала к себе шарик и крепко-крепко зажмурилась…